

ЯЦЫК СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат исторических наук, главный редактор «Vox medii aevi», научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований, НИУ «Высшая школа экономики»

syatsyk@hse.ru; voxmediiaevi@gmail.com

<https://www.hse.ru/staff/s.yatsyk>

<https://hse-ru.academia.edu/YatsykSvetlana>

Стоять на глыбе слова «медиевализм»

Настоящее введение к переводу нескольких статей Ричарда Утца преследует три цели: во-первых, оно призвано обосновать отбор этих статей. Во-вторых – в сжатой форме изложить постулаты «Манифеста медиевализма». В-третьих – поместить исследования профессора Утца в историографический контекст.

Ключевые слова: ангажированность; любитель; медиевализм; призвание; Р. Утц.

SVETLANA YATSYK

Candidate of Sciences (History), Editor in Chief (Vox medii aevi), Research Fellow of Centre for Medieval Studies, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

syatsyk@hse.ru; voxmediiaevi@gmail.com

<https://www.hse.ru/staff/s.yatsyk>

<https://hse-ru.academia.edu/YatsykSvetlana>

To Stand on the Rock of the Word “Medievalism”

Present introduction to the translation of several articles by Richard Utz has three purposes: first, it is intended to justify the selection of these articles. Secondly, it is to present the six medievalist’s manifestos in concise form. Third, it is to place dr. Utz’s research in a historiographical context.

Key words: amateur; engagement; medievalism; R. Utz; vocation.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Яцык С. А. Стоять на глыбе слова «медиевализм» [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 43–47. URL: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-yatsyk>

FOR CITATION

Яцык С. А. Стоять на глыбе слова «медиевализм» [Digital Resource] [Yatsyk S. To Stand on the Rock of the Word “Medievalism”] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). P. 43–47. URL: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-yatsyk>

Стоять на глыбе слова «медиевализм»

В 2017 г. в издательстве «Arc Humanities Press» вышла монография Ричарда Утца «Манифест медиевализма», положив начало серии «Past Imperfect». Эта книга вписала медиевализм¹, понимаемый как «широкий и непрерывный культурный феномен, заключающийся в воссоздании, восстановлении и воспроизведении Средних веков, а также в воспоминании о них»², в контекст гендерных и колониальных исследований, а также *reception studies* (исследований рецепции античного наследия).

Помимо историографической контекстуализации, при помощи этого манифеста Утц планировал реформировать то, как медиевисты взаимодействуют со средневековой культурой и как они осмысляют это взаимодействие³. Кроме того, он заявил, что надеется расширить институциональные рамки медиевализма: отметив, что за последние полтора столетия медиевистика превратилась в рафинированную и элитистскую дисциплину, закрытую для профанов, Утц призвал ученых покинуть башню из слоновой кости, впустив в разговор о Средних веках «любителей». На фоне бесконечной борьбы за рост наукометрических показателей, бюрократизации экспертности и традиционных сомнений в «научности» гуманитарного знания этот призыв к *conviviality*⁴ выглядит наивно, но скандально — в первую очередь, потому что дестигматизирует обращение ученых к широкой публике.

«Манифест медиевализма» составляют шесть глав: две «теоретические», три «интервенции» и одна глава-манифест, резюмирующая тезисы Утца и намечающая пути для будущих исследователей медиевализма. Значительная часть казусов,

1. Понятие «medievalism» прочно укоренилось в английском языке, причем как в профанном (в пользу этого свидетельствует выдача Google, предлагающая более 576 000 результатов при поиске по этому слову), так и в академическом (в базе RI OPAC можно обнаружить 320 публикаций, в названиях которых фигурирует термин «medievalism» (URL: http://opac.regesta-imperii.de/lang_en/suche.php?q=medievalism (дата обращения: 17.02.2020)). На русском академическом поле это понятие пока не прижилось: портал Киберленинка предлагает всего 24 публикации, в которых упоминается (не только в названии) этот термин (URL: <https://cyberleninka.ru/search?q=»медиевализм»&page=1>) (дата обращения: 17.02.2020).

2. «The ongoing and broad cultural phenomenon of reinventing, remembering, recreating, and reenacting the Middle Ages». Цит. по: Utz R. *Medievalism: A Manifesto*. Kalamazoo, Bradford, 2017. P. 81.

3. Ibid. P. XI.

4. Ключевой термин в философии радикального педагога Ивана Иллича, не имеющий прямого перевода на русский язык. Теодор Шанин определил его как «искусство дружбы ... во всей полноте его смыслов, т.е. дружба, взаимность, доверие и радость творческого взаимодействия» Цит. по: Шанин Т. Иван Иллич — человек на все времена // Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М., 2006. С. 6.

к которым автор апеллирует в этом томе, уже фигурировала в его более ранних работах и выступлениях — в первую очередь, в пленарном докладе «The Notion of the Middle Ages: Our Middle Ages, Ourselves», прочитанном в 2015 г. на 47-м конгрессе медиевистов в Каламазу. Впрочем, Утц и не заявлял «Манифест» как новаторское исследование; он позиционирует его как программное высказывание в рамках исследований Средних веков и медиевализма. В первых двух главах автор призывает ученых обратить внимание на эмоциональный окрас их отношения к средневековой культуре и войти в диалог с «любителями». Первая глава сосредоточена скорее на самоощущении исследователя, вторая — на практиках взаимодействия с «другими»: с энтузиастами, профанами и дилетантами вне академии. «Главы-интервенции» представляют собой своеобразные практические упражнения, демонстрирующие, как именно ученые и любители могут обращаться со средневековым прошлым и его влиянием на современность. Первая «интервенция» сводится к тезису, что медиевализм связан с современностью через элементы прошлого, которые сохраняются в массовой культуре. Во второй «интервенции» Утц анализирует сочетание фантазий о средневековом и довоенном прошлом в архитектуре американского Юга. В третьей исследует роль религиозного чувства в сохранении связи между прошлым и настоящим.

Закрывает сборник сам «Манифест медиевализма». Перечислим его ключевые постулаты:

- Между профессиональными медиевистами и «любителями» Средних веков нет принципиальных различий;
- Изучая средневековый феномен, необходимо задумываться и о том, как он осмыслялся в последующие эпохи, *после Средних веков*;
- Историкам следует писать не только для коллег-профессионалов, но и для широкой публики;
- При найме и продвижении научных сотрудников по карьерной лестнице должна учитываться их просветительская и общественная деятельность;
- Увлечение «любителей» Средними веками — это не проклятие, а дар. Ученым следует это принять, научиться использовать и начать изучать;

- Традиционные академические практики должны сохраниться, но миру нужны и новые медиевисты, те, кто не боится участвовать в публичных дебатах, публиковаться в медиа и вступить в диалог со всеми заинтересованными.

Глава-манифест, безусловно, любопытна как слепок эпохи, но сложно не заметить, что сам автор следует не всем заявленным принципам. Имея высокий академический статус⁵, он рассказывает о проблеме замкнутости академического сообщества членам этого же сообщества на страницах монографии, не пренебрегая ссылочным аппаратом. Впрочем, книга стоит \$16,95, то есть примерно в десять раз меньше, чем большинство исторических исследований, выпускаемых американскими университетами.

Несмотря на то, что сам манифест медиевализма изложен в последней главе, для перевода мы выбрали первую, «При чем здесь любовь?». Она посвящена не только историографическим тенденциям, но и семейной истории автора, а также его пути к медиевистике. Выводя автобиографические детали на академическое поле, Утц показывает, что за выбором темы исследования может скрываться страсть ученого, а каждый медиевист является культурным продуктом эпохи, поэтому не способен полностью избавиться от образов Средних веков, присущих его культуре.

Удивительно, что этот тезис кажется революционным: в сущности, Утц всего лишь приложил к медиевистике ряд идей Макса Вебера, изложенных, например, в знаменитой лекции «Наука как призвание и профессия»⁶ и в статье «Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке»⁷. Вебер вслед за Риккертом⁸ полагал, что «научный интерес» любого ученого складывается в результате «отнесения реальности к ценностям», а направление всякого исследования диктуют культурные интересы эпохи⁹. Вебер утверждал, что при постановке исследовательского вопроса невозможно освободиться от практических оценок, однако в ходе научной работы следует ограничиться логическими суждениями. При этом Вебер ратовал за то, что исследователи и, тем более, преподаватели должны «признаваться» аудитории в том, какие этические

5. Утц – глава кафедры в колледже имени Ивана Аллена Технологического института Джорджии и президент Международного общества изучения медиевализма.

6. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707–735.

7. Там же. С. 547–601.

8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1995. С. 93–94.

9. Вебер М. Наука как призвание и профессия... С. 569.

и политические убеждения, культурные идеалы и прочие элементы мировоззрения повлияли на их научную работу. Ученые и преподаватели, заявляющие о беспристрастности своих публикаций и лекций, лишают слушателей и читателей возможности защититься от их ценностной позиции, маскируя ее.

Утц подхватывает эту идею: поскольку на оптику каждого историка влияет множество факторов (гендерная, национальная и религиозная идентичность, принадлежность к определенной школе или политическому течению, круг чтения и многое другое), единственное, что ему или ей остается, — осознать экзистенциальную ангажированность своих исследований и публично заявить о том, какие предпочтения сказались на выборе темы исследования. Последовательно воплощая эту позицию в жизнь, Утц неизменно сопровождает свои публикации «академическими селфи» и делится историями о том, как впервые услышал среднеанглийский язык или как его родители участвовали в костюмированных псевдосредневековых парадах.

Призывы к «ангажированному знанию» не раз звучали в других гуманитарных дисциплинах (в первую очередь, пожалуй, в социологии¹⁰). Проповедники ангажированности выдвигают разные аргументы в ее пользу и предъявляют к ней разные требования. Так, одни авторы предостерегают политически ангажированных социологов от подчинения их исследований утилитарным интересам государства и капитала¹¹, а другие призывают к *action research*, активистским исследованиям, одновременно приумножающим академическое знание и решающим политические задачи¹². При этом в среде историков значительно более распространено умолчание, предполагающее, что историческая наука нейтральна по отношению к потенциальным способам ее использования. Но риторика «чистой науки» опасна и сама по себе обладает политическими последствиями. Поэтому редакция «*Vox medii aevi*», пытаясь различить «запах человечины» не только в исторических источниках, но и в историографии, публикует перевод главы об ангажированной медиевистике и приглашает коллег к ее обсуждению.

10. См., например: Бурдые П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. №5. С. 61–63; Може Ж. Социологическая ангажированность // Поэтика и политика. М.; СПб., 1999. С. 292–324.

11. Mills C. W. The sociological imagination. New York, 2000. P. 192.

12. Davison R., Martinsons M., Kock N. Principles of canonical action research // Information Systems Journal. 2004. №14(1). P. 65–86.

